

А. А. Кизеветтер

**Иван Грозный и его
оппоненты**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К38

К38 **Кизеветтер А.А.**
Иван Грозный и его оппоненты / А. А. Кизеветтер – М.: Книга по Требованию, 2013. – 88 с.

ISBN 978-5-458-12071-5

Вопросы науки, искусства, литературы и жизни. № 21. Кизеветтер Александр Александрович (1866 — 1933) — русский историк, публицист, политический деятель. В 1903 году защитил диссертацию на степень магистра русской истории: «Посадская община в России XVIII столетия». Напечатал ряд статей по русской истории.

ISBN 978-5-458-12071-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чальная задача. Предстояло связать дѣятельность Грознаго съ основными частями его эпохи, а для объясненія этой эпохи—вскрыть ее отношеніе къ предшествующему времени.

Въ литературѣ начали появляться попытки широкихъ построений общаго хода русской исторіи. Историки пустились на поиски за главнымъ, центральнымъ, руководящимъ началомъ, въ которомъ можно было бы открыть основную сущность и истинный философскій смыслъ пережитаго нами историческаго процесса. Не наша задача касаться исторіи этихъ поисковъ. Для насъ важно лишь отмѣтить, какъ отразились на постановкѣ вопроса о дѣятельности Грознаго нѣкоторыя попытки приложить эти широкія обобщающія схемы къ конкретному историческому матеріалу. Подъ вліяніемъ этихъ попытокъ тиранническая дѣятельность Грознаго, его правительственный терроръ получили новое освѣщеніе. Въ нихъ перестали видѣть исключительно плодъ прихотливыхъ капризовъ коронованнаго психопата. Ихъ ставили въ связь со всею политикою московскаго княжескаго дома, а въ самой этой политикѣ вскрывали отраженіе общихъ условій, двигавшихъ ходомъ народной жизни. Такъ появились два новыхъ Грозныхъ въ нашей исторической литературѣ: кавелинскій и соловьевскій.

Кавелинская формула русскаго историче-

скаго развитія извѣстна. Она изложена въ свѣжей, талантливо и горячо написанной статьѣ *Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи*, которая появилась въ 1847 году въ журналѣ *Современникъ*. Согласно этой формулѣ, содержаніе всей исторіи сводилось къ постепенному росту значенія и самостоятельности отдѣльной личности въ общественной и государственной жизни.

На зарѣ исторіи во всѣхъ сферахъ жизни царили начала родового быта. Отдѣльная личность имѣла значеніе лишь какъ одна изъ составныхъ частей своего рода. Дальнѣйшее движеніе исторіи заключалось въ расшатываніи родовыхъ порядковъ, въ борьбѣ государственнаго начала съ началомъ родовымъ. вмѣстѣ со все болѣе назрѣвавшею побѣдой государственнаго начала отдѣльная личность эмансипировалась отъ опеки ветшавшихъ родовыхъ формъ, становилась въ непосредственныя отношенія къ государству и тѣмъ выигрывала въ своей самостоятельности. Дѣятельность Ивана Грознаго — одно изъ крупныхъ звеньевъ указаннаго процесса. Иванъ Грозный, это — коронованный пропагандистъ государственной идеи, которой принадлежала будущность. Условія соотвѣтствовавшего историческаго момента и особенности личнаго темперамента царя сдѣлали то, что эта пропаганда получила характеръ правитель-

ственного террора. Кавелинскій Иванъ Грозный—поэтъ государственной идеи. Ея практическое осуществленіе—его завѣтный, страстно искомый идеаль. Между тѣмъ, въ тогдашнемъ обществѣ совершенно отсутствовали элементы для лучшаго порядка вещей. Общество коснѣло въ старыхъ формахъ полупатріархальнаго быта. „Равнодушіе, безучастіе, отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ—вотъ что встрѣчалъ онъ (Иванъ Грозный) на каждомъ шагу. Борьба съ ними ужаснѣе борьбы съ открытымъ сопротивленіемъ“... „Растерзанный, измученный бесплодною борьбой, Иоаннъ могъ только мстить за неудачи, подъ которыми похоронилъ онъ всѣ свои надежды, всю вѣру, все, что было въ немъ великаго и благороднаго, и мстилъ страшно“. (Кавелинъ: „Сочиненія“, т. I, стр. 356 и 363).

Итакъ, тиранническая дѣятельность кавелинскаго Грознаго можетъ быть названа, пожалуй, нецѣлесообразною, но ее никакъ нельзя назвать безцѣльною. Нѣтъ, у нея была вполне опредѣленная цѣль: пропаганда государственной идеи,—передъ Иваномъ стоялъ реальный, а не созданный болынымъ воображеніемъ, врагъ: старинный, патріархальный жизненный строй. Въ лицѣ Ивана и его враговъ столкнулись двѣ Россіи—новая и старая; въ основѣ террористической политики Грознаго лежали историческіе, а не одни психологическіе мотивы.

Не трудно замѣтить, что конечный выводъ, вытекающій изъ кавелинскаго изображенія Грознаго, гораздо цѣннѣе самого этого изображенія. Краснорѣчивыя страницы, посвященныя Грозному Кавелинымъ, сбиваются гораздо болѣе на блестящую ораторскую импровизацію, чѣмъ на научное воспроизведеніе историческихъ данныхъ. Всѣ элементы начертанной картины — сплошь гипотетичны. Отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ въ тогдашнемъ обществѣ, равнодушіе и безучастіе этого общества къ текущимъ вопросамъ жизни, идеализмъ и какая-то, чуть ли не міровая, скорбь непонятаго Грознаго, — все это голая гипотеза, и, притомъ, противорѣчащая фактамъ. Говорить о индеферентизмѣ русскаго общества того времени значитъ закрывать глаза на тотъ разцвѣтъ публицистической литературы, которымъ знаменуются конецъ XV и начало XVI вѣка, тѣ проявленія то явной, то подпольной общественной оппозиціи устанавливавшемуся московскому порядку, которыя получали такія разнообразныя формы — отъ открытаго вооруженнаго возстанія оскорбленнаго служилаго князя до озлобленной воркотни опальнаго дружинника въ уединенной кельѣ заѣзжаго изъ Греціи ученаго монаха.

Рисовать Грознаго разочарованнымъ идеалистомъ, въ отчаяніи истребляющимъ то, что

ему не удавалось согласно своимъ идеаламъ преобразовать, значить, въ одно и то же время, и незаслуженно ставить его въ какую-то исключительную съ его предшественниками позу, и незаслуженно преувеличивать бесплодность его правительственной дѣятельности. Правительственный терроръ сдѣлался обычнымъ приѣмомъ московской политики задолго до Грознаго. Казни и опалы временъ Ивана III и Василя III имѣютъ важное историческое значеніе и въ значительной степени отнимаютъ у казней Ивана IV эффектъ историческаго экспромта. Дѣйствуя въ тонъ фамильной политики своего дома, Иванъ IV не могъ являться провозвѣстникомъ какихъ-то совершенно новыхъ началъ, недоступныхъ кругозору его современниковъ, — оказывается, напротивъ, эти начала еще до Ивана IV не только обращались въ общественномъ сознаниіи, но въ извѣстной мѣрѣ получали и практическое осуществленіе въ рядѣ правительственныхъ мѣропріятій. Съ другой стороны, итоги царствованія Грознаго отнюдь не свелись къ однѣмъ казнямъ, внушеннымъ Грозному, по мнѣнію Кавелина, отчаяніемъ безсилія. Нѣтъ, это царствованіе, какъ и вообще XVI вѣкъ — крупный поворотный пунктъ въ ходѣ нашего государственнаго развитія: Грозный завершилъ цѣлый рядъ назрѣвшихъ къ его времени коренныхъ, внутреннихъ

реформъ по организациі общественныхъ классовъ и государственнаго управленія, и въ результатъ этихъ реформъ государственный строй окончательно установился на новыхъ основаніяхъ — общественнаго закрѣпленія. Эти новыя начала государственнаго устройства вполнѣ отвѣчали условіямъ текущаго историческаго момента, они были продиктованы повелительными требованіями времени, и вотъ въ чемъ заключался секретъ ихъ устойчивости и живучести, вотъ почему даже перипетіи смутнаго времени, если и расшатали, то отнюдь не разрушили ихъ.

Но если политическіе идеалы Грознаго какъ разъ совпадали съ неотразимыми требованіями историческаго момента, то развѣ ему приличествуетъ поза царя-неудачника? Спрашивается, однако, слѣдуетъ ли, въ виду несостоятельности кавелинскихъ воззрѣній на значеніе Грознаго, отвергать тотъ общій выводъ, который изъ нихъ вытекаетъ, — тотъ выводъ, что въ основѣ его дѣятельности лежали не одни психологическіе, но и общеоисторическіе мотивы? Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, предположить, что Кавелинъ просто ошибочно вскрылъ эти историческіе мотивы, увлеченный своею общею схемой русской исторіи? Иначе говоря, неудачное примѣненіе метода компрометируетъ ли въ этомъ случаѣ самый методъ?

И Соловьевъ, подобно Кавелину, подошелъ къ изслѣдованію древней русской жизни съ точки зрѣнія родовой теоріи. Но Соловьеву иначе, чѣмъ Кавелину, пришлось прилагать свою схему къ фактическому матеріалу. Въ-сто быстрого обзора à vol d'oiseau всего хода русской исторіи, Соловьевъ написалъ *Исторію Россіи*, прервавшуюся на 29 томѣ. Здѣсь уже нельзя было ограничиться общою характеристикой крушнхъ историческихъ моментовъ съ точки зрѣнія своей схемы, — надлежало прослѣдить осуществленіе открытаго имъ общаго начала русской исторіи на каждомъ отдѣльномъ историческомъ эпизодѣ, на каждомъ отдѣльномъ сплетеніи реальныхъ отношеній и общественныхъ силъ. По представленію Соловьева, переработка родоваго строя жизни въ государственнй растянулась на цѣлый рядъ вѣковъ и, конечно, разнообразіе жизни давало этому основному процессу нашей исторіи тысячу самыхъ различныхъ и измѣнчивыхъ выраженій. Что же представлялъ собою съ этой точки зрѣнія тотъ моментъ русской жизни, на который пало царствованіе Грознаго? Соловьевъ даетъ на это опредѣленный отвѣтъ въ VI томѣ своей исторіи.

Съ вѣрною остротой историческаго зрѣнія онъ увидѣлъ въ этомъ моментѣ эпоху борьбы двухъ столкнувшихся теперь периодовъ русской жизни, изъ которыхъ одинъ заканчи-

вался, а другой зарождался. По выраженію Соловьева, это было время „сопоставленія двухъ началъ, изъ которыхъ одно стремилось къ дальнѣйшему полному развитію, а другое хотѣло удержать его въ этомъ стремленіи, удержать во имя старины, во имя старыхъ исчезнувшихъ отношеній; необходимо было столкновение“. Представителями одной изъ столкнувшихся сторонъ явились московскіе князья, начиная съ Ивана III, и Иванъ IV въ томъ числѣ, а другую сторону составили верхи тогдашняго общества: потомки вчерашнихъ удѣльныхъ князей и верхній слой дружины—боярство. Итакъ, столкновение верховной власти съ аристократическими элементами общества—вотъ въ чемъ заключался, по Соловьеву, основной фактъ періода и вотъ съ какой точки зрѣнія слѣдуетъ оцѣнивать и дѣятельность Грознаго. Въ качествѣ врага тогдашней аристократіи верховная власть дѣлается естественнымъ союзникомъ низшей массы. Аристократія отдѣлила свое дѣло отъ дѣла народнаго. „Народъ — говоритъ далѣе Соловьевъ—увидаль въ нихъ (князьяхъ и боярахъ) людей, которые остались совершенно преданными старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кормиться на счетъ ввѣреннаго имъ народонаселенія, и кормиться какъ можно сытнѣе. Понятно, что земля всѣми своими сочувстви-

ями обратилась къ началу, которое одно могло защитить ее отъ этихъ людей, положить границу ихъ своекорыстнымъ стремлѣнiямъ, и вотъ молодой царь (Иванъ IV) пользуется ошибками тѣхъ, въ комъ видитъ враговъ своихъ, и съ лобнаго мѣста, во услышанiе всей земли, говоритъ, что власть князей и бояръ, лихоимцевъ и сребролюбцевъ, судей неправедныхъ кончилась, что онъ самъ будетъ теперь судья и оборона, и разборъ просьбъ поручаетъ человѣку, котораго взялъ изъ среды бѣдныхъ и незначительныхъ людей: на мѣстѣ Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ видимъ Адашева: Исавъ продалъ право первородства младшему брату за лакомое блюдо“ (*Исторiя Россiи*, т. VI, стр. 61, 64).

Кавелинъ обозначилъ шумную дѣятельность Грознаго просто, какъ одно изъ проявленiй основного процесса русской исторiи: борьбы государственнаго начала съ началомъ родовымъ.

Соловьевъ, опираясь на изученные имъ факты, опредѣленно указываетъ, въ какiя конкретныя формы облеклась эта вѣковая борьба въ эпоху Грознаго: она получила въ то время характеръ борьбы аристократическаго боярства съ демократической монархiей, при этомъ политическiй вопросъ осложнился вопросомъ социальнымъ: низшая масса отшатнулась отъ боярства и передала его

московскому княжескому правительству, спасаясь отъ экономической порабощенности, въ которую его забивала дѣятельность земле-владѣльческаго боярства.

Такимъ образомъ, и здѣсь, и у Соловьева для Грознаго подысканъ реальный, дѣйствительный врагъ, съ которымъ онъ вынужденъ былъ бороться, и здѣсь тираннiя Грознаго не является исключительно плодомъ внутренней потребности исковерканной природы, искусствомъ для искусства, она направлена къ осуществленiю опредѣленной политической программы. Насчетъ личныхъ свойствъ царскаго темперамента можно и должно отнести лишь изощренныя формы его тираннiи, но ея основная и конечная цѣль была подсказана исторически назрѣвшимъ антагонизмомъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

Въ основѣ соловьевской схемы лежатъ, какъ мы только что видѣли, два историческихъ наблюденiя: 1) аристократическая тенденцiя боярства; 2) союзъ верховной власти съ низшею массою на почвѣ общихъ интересовъ.

Соотвѣтствуютъ ли, однако, эти наблюденiя подлиннымъ фактамъ?

На этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Мы не видимъ въ боярствѣ того времени *аристократiи* въ полномъ смыслѣ этого слова, общественнаго слоя, объединен-